Нуреев Рудольф 02.98

ПОЛЕ **ЗРЕНИЯ**

Экран и сцена – 1998. янв. (№2) – с.6.

А мне его жаль

Я не только пишу колонки, а еще и перевожу разную литературу, более или менее художественную. Переводить люблю такое, чтобы заодно узнать что-нибудь новое, а рассказывать, естественно, про то, что задело. Иногда все сходится в одной точке. Так и сейчас. Не знаю, пошла бы я сама по себе на выставку Нуреева или нет. Конечно, "Дом Нащокина" – любимая галерея, но не такая уж я балетоманка, а Нуреева, который раньше у нас назывался Нуриевым, вообще не знала, потому что он сбежал на Запад за несколько месяцев до моего рождения. Если бы как-нибудь оказалась на выставке – мимо шла или по телевизору бы увидела – наверное, все равно бы написала, хотя бы из-за фотографий, среди которых есть замечательные портреты. Но вышло так, что к моменту открытия выставка мне уже была небезразлична, потому что я переводила материалы для каталога, заранее и не один раз посмотрела фильмы, которые там сейчас крутят.

Не могу сказать, что таких танцовщиков больше нет. Есть и были ничуть не хуже, можно, наверное, даже не называть, все и так знают. И мне, конечно, стало интересно, почему именно Рудольфа Нуреева так превозносят. Что я знала? Остался на Западе, умер от СПИДа. Остальные подробности биографии узнала только теперь. Биография, что и говорить, трогательная, на создание образа работает, так ведь все это надо было пережить на самом деле. Детство в каком-то жутком бараке, три семьи в двенадцатиметровой комнате, холод и, наверное, не так уж богато жили. Уроки, которыми он зарабатывал деньги на поездку в Ленинград. Не пешком, конечно, пришел учиться, но близко к тому. Наверное, понравился, раз семнадцатилетнего приняли в балетное училище.

Я все время старалась, с одной стороны, понять, чем он так приворожил французов, а с другой – что же это все-таки был за человек. Первое проще. Прежде всего – экзотика, восточный все-таки человек, и опять же трудное детство, и романтический побег на Запад, и вообще бунтарский характер. И потом, он принес с собой в приданое нашу балетную школу. Не знаю, всей ли планеты мы впереди в этой области, но, наверное, для парижской Оперы это много значило. И молодым танцовщикам давал роли, когда стал большим начальником. Здесь все понятно. А как узнать человека, которого никогда в жизни не видел? По рассказам. Рассказы очень противоречивые. Послушать оставшихся здесь друзей – так просто само обаяние. А иностранцы разное рассказывают, правда, и про разные периоды. Единственное, на чем сходятся, кажется, все на том, что был у Нуреева некий особый магнетизм. Как выразился кто-то из знавших его – "даже у самых нормальных мужиков, когда они видели его в жизни или на сцене, шерсть на руках дыбом вставала". Не совсем понятно, но впечатляет. И еще все сходятся на том, что Нуреев, хотя не любил преподавать и систематически этим не занимался, но за двадцать минут репетиции мог очень много дать – вот и на вернисаже Андрис Лиепа, которому тоже перепало несколько таких репетиций, об этом вспоминал.

Я не так хорошо разбираюсь в балете, чтобы оценивать заслуги Нуреева или ставить его на подобающее место в ряду лучших танцовщиков XX века – да и нет такой необходимости, специалистов хватает. Но меня всегда завораживал, как говорится, "сам процесс" – узнать нечто о человеке, которого я в глаза не видела и видеть не могла и начать к нему как-то относиться. Необязательно с нежностью, но зачем говорить о человеке, которого я не знала и заочно невзлюбила? А Нуреев вызывает восхищение и жалость. Нравится или не нравится его танец (мне, кстати, больше понравился его "Лунный Пьеро", чем многочисленные принцы), но сама по себе такая бесконечная любовь к своему делу, какая была у него, не может не тронуть. Десять последних лет он знал, что безнадежно болен, и работал до последнего дня. Наверное, умер бы на сцене, если бы хватило сил до этой сцены дойти. Никому не рассказывал, что болен, и безумно боялся кого-нибудь заразить. Один раз у него во время репетиции пошла носом кровь, и одна балерина хотела ему помочь. От страха, что она соприкоснется с его опасной кровью, Нуреев на нее жутко накричал. Таких случаев было много, выглядел он, наверное, высокомерным хамом, а я себе представляю, как ему было страшно и одинако.

Не стану распространяться, воспоминания, из которых я все это выудила, будут напечатаны в "Киносценариях". Лучше, наверное, было бы поговорить о выставке, но мне трудно смотреть на нее свежим взглядом. Я все время искала знакомое по описаниям – картины, висевшие на стенах парижской квартиры, вещи из коллекции, диван, о котором почему-то все то и дело упоминали. Что и говорить, под конец жизни обстановка была роскошная. И не только в той квартире – у Нуреева было шесть домов по всему миру, даже собственный остров был, а как родился в поезде, так и умер каким-то бесприютным. Нуреев говорил, что дом – это место, где тебя ждут, и его домом был театр, сцена.

Спору нет, богатым и здоровым быть хорошо, бедным и больным – хуже. А хорошо, когда есть куча денег, и слава, и друзей вроде бы много, и квартира роскошная, и сидишь среди всех своих ковров и прочего совершенно один, или, наоборот, приходит толпа совершенно чужих людей?

Не знаю, может, я что-то и нафантазировала, но такой вот у меня получился Нуреев. Наверное, больше надо было бы рассказать о выставке, но ведь не ради выставленных там вещей стоит туда идти – это в любом музее можно увидеть, да и почти все давно распродано, не так много осталось. И вещи, и балетные костюмы, и фотографии (хотя, как я уже говорила, они и сами по себе хороши) – только посредники, при помощи которых мы стараемся уловить неуловимые, ощутить присутствие человека, которого больше нет.

Александра ВАСИЛЬКОВА